

УДК 343.95
ББК 67.51

Д.В. Жмуров,
кандидат юридических наук

ВООБРАЖЕНИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В статье рассмотрены вопросы взаимосвязи воображения (фантазирования) и криминальной активности индивида. Высказаны идеи, согласно которым в некоторых случаях воображение несет в себе криминогенный потенциал, а именно: выступает «формирующим условием» преступного поведения или же является частью механизма индивидуального преступного поведения. Перечислены и охарактеризованы следующие формы проявления криминогенного потенциала воображения: моделирование пассивного образа, общая и частная антиципация, типизация жертвы, акцентирование, моделирование конфликтного и репродуктивного образов.

Ключевые слова: криминальное воображение; преступное поведение; корыстные фантазии; агрессивные фантазии.

D.V. Zhmurov,
Ph. D. in Law

IMAGINATION AND CRIME

The paper is devoted to the issue of interrelations between imagination (fantasizing) and criminal activity of an individual. The author suggests that in some cases imagination has a criminogenic potential, i.e. acts as a «formative condition» of criminal behavior or is part of individual criminal behavior's mechanism. The following manifestations of imagination's criminogenic potential are enumerated and characterized: modeling of a passive image, general and specific anticipation, typization of a victim, accentuating, modeling of the conflicting and the reproductive images.

Key words: criminal imagination; criminal behavior; mercenary fantasies; aggressive fantasies.

Роль воображения в формировании преступного поведения изучена мало, хотя можно предположить, что она не менее значима, чем, например, в организации творческой деятельности.

Под воображением традиционно понимают способность человека к построению новых мысленных образов [5, с. 784]. При помощи воображения индивид может предвосхищать собственное поведение, этапы и условия его реализации, а также вероятные его последствия.

Подобная мыслительная деятельность, как правило, связана с любым поведением, в том числе преступным. «В воображении зарождаются и преступления», – отмечал еще Н. Бердяев. Таким образом, по аналогии с термином «следственное воображение» [1; 2; 6] уместно говорить о «криминальном воображении», т. е. психологическом процессе, отражающем криминальную направленность личности и особое антисоциальное содержание фантазий и образов.

Кроме того, важным критерием разграничения криминального и некриминального воображения является та реальная степень

влияния, какое негативные образы и фантазии способны оказывать на поведение индивида, их потенциальная реализуемость, личностная значимость и проч.

Итак, связь воображения и преступления в целом является несомненной, но каков характер этой связи? В большей части импульсивных преступлений или деяний с внезапно возникшим умыслом негативную роль воображения выявить достаточно сложно, так как она является имплицитной и бессознательной. Однако в умышленных правонарушениях криминогенный потенциал воображения становится более осознанным и может проявляться в следующих моментах.

Моделирование пассивного образа – относится к сфере пассивного воображения, когда происходит создание идеализированного асоциального объекта (героя преступного мира, преступления). Этот объект в целом воспринимается как позитивный. В жизнь подобные фантазии, как правило, не воплощаются, хотя могут оказывать опосредованное влияние на поведение индивида. Например, чрезмерная увлеченность «криминальными героями» может вызвать стремление подрос-

тка подражать им. Криминальные фантазии могут быть как корыстными, так и агрессивными.

▪ *Корыстные фантазии* – образы удовлетворения материальных потребностей, владения и пользования ценностями, которые были получены незаконным путем.

▪ *Агрессивные фантазии* – представление индивидом агрессивных образов, символов или событий. Содержание агрессивных фантазий зачастую сводится к нескольким формам, среди которых можно отметить следующие: а) мысленное представление сюжетов убийства человека; б) мысленное представление драк и причинения кому-либо физического вреда; в) вымыслы, связанные с проявлением вербальной агрессии и оскорблением кого-либо. Эту классификацию можно, полагаем, дополнить сексуально-агрессивными и аутоагрессивными фантазиями на тему собственной смерти.

Общая антиципация – позитивное предвосхищение преступного результата и связанных с ним благ.

Этот процесс тесно связан с мечтами, т. е. воображением жизни более высокого качества в достаточно отдаленной перспективе. Общая антиципация происходит на этапе зарождения преступного умысла, когда желаемый результат лишь только осознается. Чем ярче рисуются картины распоряжения деньгами или вещами, тем большую побудительную ценность приобретает цель преступления. *Общая антиципация* отличается от *моделирования пассивного образа* тем, что она выступает уже в качестве побудительной причины, мотива будущей деятельности.

Для общей антиципации не характерно моделирование деталей преступления, воображаются лишь некие его общие черты и благоприятные последствия (удовлетворение индивидом своих материальных, сексуальных, властных и прочих потребностей). Именно со странной мечты начинается путь героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Мечтой Раскольников называется замысел убийства старухи-процентщицы. Другой пример общей антиципации в произведении «Красная гостиница» приводит О. Бальзак. Главный герой мечтает совершить преступление и разбогатеть: «Мысли его неприметно обратились к дурному. Он все думал об одном: о ста тысячах, которые

лежали под головой фабриканта. Сто тысяч! Для него это – огромное богатство, и вот оно само просится в руки. Сначала он придумал тысячу способов употребить сто тысяч и строил воздушные замки, как все мы это с наслаждением делаем, когда дремота уже затуманивает сознание, порождая в нем неясные образы и зачастую наделяя мысли магической силой... Голова пикардийца запылала, он перешел к способам обратить мечтания в действительность и с чрезвычайным жаром принялся обдумывать преступление – пока еще в теории».

Частная антиципация – формирование конкретного образа преступного акта. Предполагает: а) построение образа средств; б) создание картины преступного и последующего поведения; в) мысленная проработка методов сокрытия преступления. При этом воображение продуцирует не только возможное собственное поведение, но и поведение жертвы, сотрудников правоохранительных органов и проч.

Очевидно, что некоторые умышленные преступления предполагают многократное и вариативное воспроизведение криминальных образов, «проживание» преступления в фантазиях, придание ему психологически важного атрибута объективности или совершенности. Потенциальный преступник, таким образом, мысленно свыкается с тем, что собирается совершить.

Помимо сказанного, некоторые исследователи относят «визитные карточки» серийных убийц, оставляемые на месте преступления, к элементу частной антиципации. Это не что иное, как воплощение фантазии или ритуал, основанный на фантазиях, обдуманных и неоднократно прожитых преступником в воображении [4].

Типизация жертвы (как элемент дегуманизации) – создание образа жертвы, не заслуживающей человеческого обращения, лишение ее признаков индивидуальности, стремление представить как нечто чуждое собственной личности, «стоящее на другой стороне». Человек становится чистым фактом, лишенным всякой ценности, волнующим субъекта действий не более чем неодушевленный предмет [3].

Раскольников настойчиво доказывает себе: «Я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную,

которую убить сорок грехов простят». Схожие мысли посещали и бальзаковского героя: «Он задался вопросом, зачем жить этому старому немцу, убеждал себя, что немец этот вообще мог бы и не существовать».

Акцентирование – психологическая «декриминализация» своего будущего или уже совершенного деяния, преуменьшение его тяжести, вытеснение из области совести. Этот процесс относится к формированию агрессивного алиби. Субъектом создается образ постпреступной реальности, более совершенной на его взгляд, чем она была до преступления. «Мир» становится справедливее, лучше, понятнее, субъективно комфортнее, несмотря на ту цену, которую пришлось заплатить. Иногда акцентирование может выражаться в гипотетических предположениях о том, что «любой другой на моем месте поступил бы точно так же» и преступление было бы неминуемо.

Моделирование конфликтного образа – воображаемое столкновение интересов, выступающее поводом для преступления. Нередко потенциальная жертва наделяется антагонистическими признаками, которые не могут не вызывать негативной реакции преступника: другой пол, национальность, принадлежность к той или иной социальной группе, возраст, материальное положение, удачливость и т. д. Все это в воображении потенциального преступника создает конфликт интересов, требующий разрешения.

Иногда воображение индивида, склонного к ревности, может нарисовать картины измены и при недостаточных основаниях повлечь за собой опасные последствия. Порой движущим мотивом преступного поведения является месть за испытанную несправедливость, хотя нередко такая «несправедливость» существует лишь в воображении.

Моделирование репродуктивного образа – положительно окрашенное переживание уже совершенного преступления, которое является подкреплением будущего асоциального поведения.

Итак, криминальное воображение связано с преступной деятельностью в следующих аспектах: а) оно является одним из признаков криминальной социализации индивида; б) служит дополнительным стимулом к антиобщественной деятельности (общая антиципация); в) дополняет арсенал средств и методик совершения преступления, позволяя создавать его предварительный образ, производить «обкатку» возможных вариантов поведения; г) при помощи воображения индивид пытается устранить внутреннее ощущение преступности своего деяния (типизация, акцентирование, моделирование конфликтного образа); д) воображение позволяет еще раз пережить волнующие моменты преступления, если это, конечно, представляет личностную значимость (моделирование репродуктивного образа).

Таким образом, воображение и преступление сочетаются многопланово и неоднозначно.

Во-первых, криминальное воображение является компонентом сознания индивида с уже сформировавшейся антиобщественной направленностью. В данном случае оно является лишь отражением преступного опыта и имеющихся негативных установок, т. е. заложено в стиль и образ мышления преступника.

Во-вторых, воображение может способствовать формированию криминогенных деформаций сознания, которые, в свою очередь, уже и приведут индивида к преступлению. Следовательно, воображение, согласно психологической концепции причинности, является «формирующим условием» индивидуального преступного поведения.

В-третьих, воображение как форма субъективного переживания может выступать одним из мотивирующих факторов деятельности, наряду с потребностями и мотивами, определяющими направленность поведения. Очевидно, что воображение в данном случае является частью мотивации, а в более широком смысле – элементом механизма преступного поведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В. Юридическая психология. – Харьков, 1998.
2. Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология. – Ростов-н/Д., 2004.
3. Бовуар С. Нужно ли аутодафе? // Маркиз де Сад и XX век. – М., 1992.
4. Дуглас Д., Манн К. Исследование места происшествия насильственных преступлений [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/g/gasparjan_r/douglas_crime_scene.shtml
5. Кондаков И.М. Психология : иллюстрированный словарь. – СПб., 2007.
6. Столяренко А.М. Прикладная юридическая психология. – М., 2001.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. Bandurka A.M., Bocharova S.P., Zemlyanskaya E.V. Yuridicheskaya psikhologiya.1. – Khar'kov, 1998.
2. Baranov P.P., Kurbatov V.I. Yuridicheskaya psikhologiya. – Rostov-n/D., 2004.
3. Bovuar S. Nuzhno li autodafe? // Markiz de Sad i XX vek. – M., 1992.
4. Douglas D., Mann K. Issledovanie mesta proisshestiya nasil'stvennykh prestupleniy [Elektronnyy resurs]. URL: http://zhurnal.lib.ru/g/gasparjan_r/douglas_crime_scene.shtml
5. Kondakov I.M. Psikhologiya : illyustrirovanny slovar'. – SPb., 2007.
6. Stolyarenko A.M. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – M., 2001.

Информация об авторе

Жмуров Дмитрий Витальевич (Иркутск) – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. ГОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: zdevraz@ya.ru)

Information about the author

Zhmurov, Dmitriy Vitalyevich (Irkutsk) – Ph. D. in Law, Senior Instructor, Chair of Criminal Law and Criminology. Baikal National University of Economics and Law (11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: zdevraz@ya.ru)